

ОБЩЕ МИРОВЫЕ ЗАКОНЫ.

ПРИНЦИПЫ 1789 ГОДА.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Д. Столыпина.

МОСКВА.

Типография А. Гатцука, Никитский бульв., собственный домъ.

1891.

ОБЩЕ МИРОВЫЕ ЗАКОНЫ.

ПРИНЦИПЫ 1789 ГОДА.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Д. Столыпина.

МОСКВА.

Типография А. Гатцука, Никитский бульв., собственный домъ.

1891.

Дозволено цензурою. Москва, 14 февраля 1891 года.

ОБЩИЕ МИРОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Принципы 1789 года.

Крестьянская личная собственность.

Контъ, рассматривая философію математики, говоритъ, что „единственный ея результатъ въ смыслѣ научнаго образованія заключается въ развитіи основнаго чувства логическихъ законовъ, безъ коихъ невозможно пониманіе законовъ физическихъ: теорія чиселъ, составляющая необходимое основаніе этого анализа, какъ видно въ исторіи, составляетъ древнѣйшее проявленіе идеи *порядка* и *гармоніи*, которыя постепенно были распространены на самые сложныя вопросы. Ясно, что за этимъ исключеніемъ, главныя составныя части математики составляютъ геометрія и механика, которыя могутъ считаться прямо относящимися къ первичнымъ понятіямъ: первая—всякаго существованія, вторая всякой дѣятельности...

Отбрасывая злоупотребленія математикой, оказавшія подавляющее вліянія на различныя отдѣлы естественныхъ наукъ, которыя въ продолженіи двухъ вѣковъ старались присвоить себѣ геометры, мы должны признать очевиднымъ общее значеніе этихъ двухъ пер-

вичныхъ наукъ (геометріи и механики), такъ какъ онѣ должны находиться во всѣхъ высшихъ и болѣе сложныхъ наукахъ, хотя не составляютъ въ нихъ единственнаго, ни даже главнаго элемента... Геометрія по природѣ своей составляетъ ту изъ математическихъ наукъ, которая наиболѣе пригодна для правильнаго развитія элементарнаго чувства *гармоніи*, которое въ ней никогда не смѣшивается съ закономъ *преемственности*. Несмотря на эти характеристическія атрибуты, необходимо считать въ научномъ отношеніи теорію движенія, еще болѣе чѣмъ теорію пространства, за главную вѣтвь математики, *ввиду ея болѣе прямого и полнаго отношенія ко всѣмъ остальнымъ частямъ естественныхъ наукъ*“.

Вслѣдствіе этихъ соображеній Контъ заключаетъ, что математика естественно составляетъ универсальное введеніе къ философіи положительныхъ наукъ; къ этому надо прибавить, что она одна съ астрономіей достигла полной нормальной организаціи. „А потому“, говоритъ далѣе Контъ, *я долженъ стараться особенно ясно выразить естественное совпаденіе этихъ первообразныхъ законовъ, на которыхъ зиждется вышесказанная организація, съ основными законами, которые казались до сихъ поръ свойственными лишь одной органической жизни, для того чтобы указать вкратцѣ на прямомъ соотношеніи двухъ крайнихъ случаевъ, общее стремленіе нашихъ различныхъ знаній къ настоящему научному единству, гармонирующему съ ихъ логическимъ единствомъ, уже признаннымъ въ предыдущей главѣ (58 гл. VI томъ). Промежуточныя физико-химическія, законы, вѣроятно, по своему подтверждаютъ это совпаденіе, когда*

*ихъ философскій характеръ будетъ достаточно выясненъ болѣе рациональнымъ изученіемъ“ *)*.

При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти положенія Конта не апіорныя, и получены наведеніемъ (индуктивно) и составляютъ лишь выводы изъ изученія шести абстрактныхъ наукъ, помѣщенныхъ имъ въ его классификаціи или іерархіи положительныхъ наукъ.

Давъ общее вышеуказанное положеніе, Контъ разсматриваетъ три главные имъ признанные механическіе законы и въ заключеніе дѣлаетъ въ высшей степени знаменательную оговорку.

„Различные основные законы рациональной механики“ пишетъ Контъ, *„составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ только первое философское проявленіе нѣкоторыхъ общихъ законовъ, примѣнимыхъ къ природѣ всякихъ явленій, хотя они должны были быть открыты въ простѣйшихъ явленіяхъ, очевидно что они могутъ быть поняты вытекающими изъ самыхъ высшихъ и спеціальныхъ частей абстрактной философіи, которыя однѣ уясняютъ ихъ настоящій характеръ универсальности“*

На самомъ дѣлѣ нравственные законы гармоніи, равновѣсія и любви намъ прирожденны, и болѣе доступны, чѣмъ абстрактные научные принципы, и давно нравственный законъ былъ усвоенъ человѣчествомъ, когда оно съ Кеплеромъ, Галилеемъ и Ньютономъ начало

1) Положеніе это послужило тезисомъ для преміи по философіи наукъ, назначенной на 1891 г., при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ.

познавать общіе законы физическаго міра. Яркос освѣщеніе этого положенія представляетъ превосходная статья Андрея Николаевича Бекетова *Нравственность и естествознание*¹⁾, помѣщенная въ 6-ой книгѣ журнала *Вопросы философіи и психологіи*. „Долговременный опытъ жизни мнѣ показалъ“ пишетъ А. Н., „что нѣтъ почти человѣка, который, хотя бы на днѣ души своей не таилъ нравственнаго огня, называемаго христіанскою любовью“. Нравственное чувство вложено въ душу человѣческую, какъ зародышъ, но часто съ усложненіями цивилизаціи оно теряется и извращается. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ опредѣленію естествознанія: все естествознание сводится къ механикѣ, къ движенію. „Такой оборотъ наука окончательно приняла съ тѣхъ поръ, какъ установленъ законъ единства силъ, такъ какъ въ основаніи этого закона всѣ силы, начиная съ силы всеобщаго тяготѣнія, и кончая химическою энергіею, могутъ другъ въ друга превращаться¹⁾).

Далѣе, рассматривая фізіологическія явленія раздражительности (сопровождающія психическія явленія сознанія) которыя тоже сводятся къ движенію, авторъ пишетъ: „Знаменитый фізіологъ Дюбуа - Реймонъ въ своей рѣчи о границахъ человѣческаго ума, дойдя до опредѣленія сознанія, заключаетъ словомъ „ignogabimus“

„Я полагаю, — вмѣстѣ съ большинствомъ“, сказано въ статьѣ, — „что высшая нравственность, до которой

¹⁾ См. Секки: L'unité des forces physiques, par le R. P. Secchi, Paris, 1869.

когда - либо доходилъ человѣкъ, есть нравственность христіанская

„Христіанская любовь есть наслажденіе наслажденіями ближняго и страданіе его страданіями, какъ своими собственными“.

Жизнь христіански - любящую должна такъ слаиться, чтобы всѣ его поступки клонились къ осуществленію блага ближняго въ такой же мѣрѣ, какъ и своего собственнаго *).

„Второе положеніе можетъ осуществиться лишь исполненіемъ третьяго положенія, т. е. въ томъ случаѣ, когда поступки человѣка ведутъ къ полному уравненію его наслажденій съ наслажденіями ближняго, или другими словами къ справедливости.

„Что же такое справедливость, и какъ выразится она на точномъ и отвлеченномъ языкѣ науки?

„Справедливость есть равенство въ приложеніи къ жизни всѣхъ и каждаго. Равенство (=) вотъ кратчайшій символъ, выражающій и высшій принципъ высшей человѣческой нравственности.

„По математикѣ равенство мыслимо только въ отвлеченіи; въ природѣ же, во вселенной оно выражается равновѣсіемъ, и именно подвижнымъ равновѣсіемъ...

„Откуда же такое стремленіе къ равновѣсію, откуда идея равенства, кратчайшимъ и точнѣйшимъ образомъ выражающая основу высшей справедливости...

„Всякое стихійное нарушеніе равновѣсія причиняетъ интеллектуальному человѣку нѣкоторое страданіе; итичи

*) Курсивъ въ подлинникѣ

гнѣзда, разрушенныя бурею вмѣстѣ съ птенцами; дерево, полное жизни, вырванное съ корнемъ; даже жалобное метаніе и ревъ по свободѣ хищнаго звѣря, запертаго въ тѣсную клѣтку.

„Во сколько же разъ сильнѣе чувствуетъ онъ страданіе „каждаго изъ малыхъ сихъ,“ —каждаго изъ членовъ общей семьи человѣческой!

„Итакъ нарушеніе равновѣсія — равенства—вотъ источникъ всякаго страданія нашего; а соблюденіе или возстановленіе равновѣсія есть коренной, первоначальный источникъ нашихъ наслажденій.

„Я уже сказала, что вся исторія человѣчества—есть исторія его стремленія къ осуществленію высшаго выраженія идеи равенства — правды или справедливости. Искусства и науки, законодательства и религіи имѣютъ главною цѣлію облегчить, разрѣшить путь человѣчества къ этому высшему идеалу...

Личная или взаимная выгода — инстинкты эволюціонныя не объясняютъ этого неудержимаго стремленія.

„Но стоитъ обратиться къ небесамъ, къ міровымъ законамъ, управляющимъ вселенною, и умъ поражается тѣмъ равновѣсіемъ, которое мы называемъ гармоніею...

„Человѣкъ не изъять изъ общаго вселенскаго закона; какъ и всякое другое существо, онъ равнымъ образомъ увлекается общимъ круговоротомъ...

„Заключу краткимъ повтореніемъ тѣхъ положеній, которыя должны служить основою всего дальнѣйшаго изложенія.

„1) Подвижное равновѣсіе, какъ результатъ уравнивающихъ силъ природы, на которомъ зиждется весь строй природы, есть первоначальный стимулъ высшей человѣческой нравственности.

„2) Справедливость есть вторичная причина человѣческой нравственности, такъ какъ она есть прямое приложеніе закона всеобщаго равновѣсія къ поступкамъ человѣка.

„3) Результатомъ является неотразимое (роковое) тяготѣніе (стремленіе) человѣка къ осуществленію справедливости, т. е. къ высшей нравственности.

„4) Христіанская любовь, какъ сознание необходимости всеобщей справедливости, какъ наслажденіе справедливостію къ ближнему и ко всему живущему, завершаетъ этотъ рядъ, отражая въ душѣ человѣка высшій космическій законъ и представляя собою единственный и главнѣйшій признакъ человѣческой нравственности...

Изъ этого изложенія видно совпаденіе общихъ міровыхъ законовъ и значеніе нравственнаго закона представляется какъ неизмѣримо высшій общій consensus.

Контъ, обсуждая философію основныхъ наукъ въ порядкѣ имъ поставленномъ, указываетъ насколько нерационально судить съ точки зрѣнія наукъ низшихъ по іерархіи о наукахъ высшихъ сферъ, имѣющихъ, въ новомъ исключительно имъ присущемъ явленіи свой собственный спеціальнѣйшій законъ, такъ, напримѣръ, судить съ точки зрѣнія химіи о явленіяхъ жизненныхъ, съ точки зрѣнія біологіи о явленіяхъ нравственныхъ. Недостаточно для такого сужденія опираться на научное

положеніе, что законы простыхъ явленій находятся въ наукахъ явленій сложныхъ; настоящая польза простыхъ наукъ въ томъ, что въ ихъ законахъ можно точнѣе разсмотрѣть первообразъ нѣкоторыхъ высшихъ явленій, напримѣръ, говоря о промысловой единицѣ, можно указать на химическую единицу молекулу, въ которой составныя ея части находятся въ кратномъ неизмѣнномъ количествѣ и заключить, что подобная гармонія или порядокъ долженъ существовать во всякой другой сложной единицѣ, хотя не въ столь точно опредѣленныхъ отношеніяхъ составныхъ частей; но можно и обратно изъ высшей точки зрѣнія придти къ тому же и еще болѣе опредѣленному результату: возьму въ примѣръ два противоположныхъ мнѣнія, составляющихъ современную злобу дня, а именно одно мнѣніе, поддерживающее общину и чрезъ то безграничное дробленіе земли; другое, основанное на опредѣленіи нормальной естественно сельско-хозяйственной единицы. Во всякомъ сложномъ промыслѣ, фабричномъ или другомъ, дѣлается расчетъ и принимаютъ во вниманіе, чтобы всѣ части онаго находились въ гармоническомъ отношеніи одна къ другой, а также къ общему цѣлому; такъ практической челобѣтъ, согласно существующимъ цѣнамъ и предпологаемому сбыту, устраиваетъ извѣстный величины заводъ, на которомъ, согласно силѣ воды или пара, онъ опредѣляетъ относительно нужныя орудія, количество потребныхъ рабочихъ рукъ, построекъ, расходы по администраціи, и при соблюденіи этихъ условій, основанныхъ на вѣрномъ расчетѣ имѣющихся фактовъ, онъ не

жалѣть расходовать деньги на устройство; конечно тутъ все дѣло, не увлекаться воображеніемъ. Привычка къ такимъ операціямъ въ промышленномъ классѣ, и есть причина существованія всей сложной промышленности. Не то бываетъ съ лицами, не привычными къ такой дѣятельности, а потому не желающими класть деньги въ незнакомыя предпріятія, которыя при несоблюденіи какого либо экономическаго условія, ведутъ къ неизбѣжному убытку. Приведу по вышесказанному вопросу о сельско-хозяйственной единицѣ, наличный примѣръ: въ селѣ Тарханы, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, были построены хутора, сданныя крестьянамъ; пограничное съ Тарханами большое имѣніе было приобрѣтено Н. С. Шебаевымъ, имѣвшимъ фабрики въ Богородскомъ уѣздѣ; новый владѣлецъ, желая устроить крестьянъ, посѣтилъ Тарханскіе хутора, сданные по мѣстному обычаю изъ половины урожая; сдѣлалъ расчетъ получаемому количеству зерна, отъ одной четверти до трети болѣе и добротою лучшаго качества чѣмъ на остальныхъ земляхъ (зерно идетъ исключительно на посѣвъ остальныхъ полей экономіи, выдающей при вышесказанномъ порядкѣ половинную часть сѣмянъ), принялъ во вниманіе расходъ на устройство избъ съ помѣщеніемъ для скота, и построилъ на своихъ дальнихъ поляхъ девятнадцать подобныхъ хуторовъ. Примѣръ здѣсь приведенный, о вліяніи сложныхъ явленій на простѣйшія не выходитъ изъ сферы экономической и принадлежитъ къ низшему въ социологіи порядку, гдѣ немаловажную, если не всегда первосте-

пенную роль играет личный интерес. Но можно привести примѣръ изъ высшаго нравственнаго міра, примѣръ Адама Смита, постигшаго законъ гармоніи въ нравственныхъ явленіяхъ: гармоническое отношеніе частей одна къ другой и ихъ общее подчиненіе цѣлому; что повело его къ предположенію подобныхъ законовъ также въ другихъ низшихъ сферахъ. Адамъ Смитъ былъ профессоромъ философіи въ Глазгоу и въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о философіи основалъ оную на психическомъ началѣ *симпатіи*; занявшись вопросомъ о благосостояніи народовъ, безъ всякихъ промышленныхъ цѣлей, безъ малѣйшаго указанія со стороны естественныхъ наукъ, единственно основываясь на началѣ симпатіи и предчувствіи, что всѣ явленія подлежатъ нѣкоторымъ постояннымъ правиламъ, предчувствіи общему впрочемъ всѣмъ гениальнымъ людямъ во всякой ихъ дѣятельности, въ наукѣ на примѣръ: Архимеду въ механикѣ, Аристотелю въ политикѣ ¹⁾, Галилею, Ньютону, Лавуазье и др., онъ открылъ законъ раздѣленія труда и экономическаго прогресса. Насколько это воззрѣніе было единично, можно судить по тому обстоятельству, что Мильнъ Едвардсъ уже въ нашемъ столѣтіи указалъ, что этотъ законъ примѣнимъ

¹⁾ Аристотель въ сочиненіи о политикѣ пишетъ: что во всѣхъ сложныхъ вещахъ или явленіяхъ составляющихъ одно цѣлое, называется іерархія и подчиненіе, что это распространяется на всѣ живыя существа какого рода они не были и что до извѣстной степени преобладаніе и подчиненіе оказываются въ неорганическомъ бытіи, подобно какъ и въ *гармоніи*.

къ физиологіи и можетъ служить къ изъясненію ея явленій. Прямыми послѣдователями Адама Смита были: Рикардо, Мальтусъ и Тюненъ, открывшіе новые законы, но Мальтусъ повредилъ себѣ поспѣшными и обстоятельными заключеніями, подобно Галю, который всетаки первый указалъ путь къ изученію психо-физиологіи. Другіе послѣдователи политической экономіи впади въ крайности направленія, опирающагося на разрушительныя такъ называемые принципы 1789 года, *абсолютныя* свобода, равенство и братство. Понятія эти относительныя, и къ нимъ названіе принциповъ не примѣнимо; подъ словомъ принципъ или законъ разумѣютъ понятіе о непреложномъ, доказанномъ на опытѣ. Понятія эти, именно на опытѣ оказались несостоятельными и по естественному закону дѣйствія и противо-дѣйствія вызвали другіе, противоположныя принципы, проведенныя съ крайнею жестокостію.

Необходимо въ краткихъ словахъ сказать причину вызвавшую все это движеніе. Въ 1775 году Людовикъ XVI возсѣлъ на престолъ и первымъ шагомъ его было назначеніе министромъ Тюрго, который приступилъ къ нѣкоторымъ реформамъ, какъ-то: отмѣны запрещенія ввоза и вывоза хлѣба изъ одной провинціи въ другую, отмѣны нормъ, устанавливающихъ для каждаго имѣнія количество хлѣба, которое оно должно засѣвать, и разныхъ тому подобныхъ мѣръ, введенныхъ еще Кольберомъ при Людовикѣ XIV; но уже въ 1776 году Тюрго получилъ отставку. Реформы его вызвали противодѣйствіе со стороны стараго парламента. Къ сожалѣнію

молодая королева также враждебно отнеслась къ Тюрго. Марія Антуанета 15-ти лѣтъ прїѣхала во Францію и попала въ самый тѣсный кружокъ любимцевъ въ Версаль; нѣкоторые изъ нихъ, какъ исторически извѣстно, выманивали деньги отъ казны даже въ самый тяжелый голодный годъ; кружокъ этотъ былъ противъ экономическихъ реформъ Тюрго, и подъ его вліяніемъ Марія Антуанета легко подѣйствовала на безхарактернаго Людовика XVI и была главною причиною отставки Тюрго. Конечно до 1789 года онъ успѣлъ бы исполнить всѣ необходимыя реформы и предотвратилъ бы этимъ революціонный погромъ. Понятія все болѣе путались и обострялись, не было въ государствѣ слѣда свободы труда и равенства передъ закономъ; при такомъ бездѣйствіи власти революція началась провозглашеніемъ національнымъ собраніемъ „правъ человѣка“; въ провозглашеніи этомъ права личности признаются безгранично абсолютными (Imprescriptibles), весь долгъ государства состоитъ будто въ соблюденіи и поддержаніи этихъ абсолютныхъ правъ. При такомъ провозглашеніи преобладанія частнаго права надъ общественнымъ государственнымъ, не только города и значительныя мѣстечки, но самыя сельскія общества захватили всю государственную власть. Тѣнь пишетъ, что Франція раздѣлилась подъ вліяніемъ этихъ разрушительныхъ идей на 44,000 маленькихъ независимыхъ государствъ, отказавшихся отъ платежа налоговъ, поставки рекрутъ, отъ судебныхъ рѣшеній, кромѣ мѣстной расправы; причемъ запущены были всѣ общественныя сооруженія, и это во время

внутреннихъ безпорядковъ, грабежей по дорогамъ, возстанія такихъ значительныхъ городовъ, какъ Тулонъ и Лионъ, цѣлыхъ провинцій, какъ Вандея, и пограничной войны. Чувство самосохраненія подвигнуло къ провозглашенію принципа: „La France est une et indivisible“ при крикахъ: la Patrie est en danger; возгласенію принципа правъ государства, явно опровергающаго принципы 89 года. Дантонъ предложилъ для исполненія, учрежденіе комитета общественной безопасности, въ который онъ самъ не желалъ вступить, но вошелъ туда Робеспьеръ и превратилъ комитетъ своими клеветами и доносами въ орудіе террора, которымъ онъ, между прочимъ, воспользовался, чтобы ввести на эшафотъ Дантона и другихъ вліятельныхъ въ то время лицъ, такъ что можно было сказать, что революція сама себя пожрала. Кровожадность Робеспьера извратила новое направленіе, но можно оказать, что оно воспрепятствовало расторженію Франціи и тѣмъ Дантонъ оказалъ услугу своему отечеству. Всѣ такъ называемые принципы 1789 года зиждятся на провозглашеніи „правъ челоуѣка“ на безграничной свободѣ личности, абсолютное право, при которомъ люди предоставлены собственной ихъ самозащитѣ, вслѣдствіе чего сильные душатъ слабыхъ и захватываютъ власть, изъ личныхъ видовъ поддерживая тиранію.

Для благоустройства и благосостоянія народа долженъ быть порядокъ; порядокъ — это подчиненіе частнаго общему, конечно съ оговоркою, чтобы общее не угнетало, а регулировало отношенія частей одна къ

другой, питало и поддерживало ихъ нормальное развитіе и жизнь.

Контъ оказалъ большую услугу отрицаніемъ преобладающихъ въ обществѣ ложныхъ понятій, построенныхъ на одномъ мышленіи, отрицая ихъ во имя общаго научнаго метода: мышленія въ непремѣнномъ единеніи съ наблюденіемъ.

Очистивъ почву, Контъ связалъ научнымъ методомъ мышленія науки нравственныя и бытовыя съ остальными положительными науками.

Въ постановкѣ метода, мышленія въ единеніи съ наблюденіемъ, послужившаго для открытія положительныхъ законовъ, уже есть а priori предположеніе о существованіи постоянныхъ законовъ въ высшихъ болѣе сложныхъ явленіяхъ. Здѣсь умѣстно сдѣлать краткое опредѣленіе основныхъ воззрѣній Конта въ виду существующихъ разногласій въ его двухъ курсахъ, философіи наукъ и политики; я здѣсь буду держаться курса философіи.

Контъ говоритъ: 1) что по ограниченности человѣческаго ума познаніе сокровенной сущности вещей ему недоступно.

Если это признать за истину, то ходъ мышленія черезъ три стадіи развитія приводящій къ положительному знанію, надо понять въ смыслѣ: 2) что крайній предѣлъ науки основанной на наблюденіи: въ опредѣленіи неизмѣнныхъ законовъ явленій. Тутъ ея конецъ.

При такой постановкѣ дѣла естественно спросить: на какіе же доказанные на опытѣ законы можно ука-

затъ въ высшихъ болѣе сложныхъ наукахъ и какое можетъ быть воздѣйствіе человѣка на физическія, нравственныя и общественныя явленія?

Что касается физическихъ явленій, то Контъ установилъ, что по мѣрѣ ихъ усложненія явленія: физическія, химическія, растительныя и животныя все болѣе поддаются воздѣйствию человѣка (что по своей извѣстности не требуетъ особыхъ доказательствъ), но подъ непремѣннымъ условіемъ для успѣшности дѣла, знанія законовъ и примѣненія ихъ.

Измѣненія можно также усмотрѣть въ психическихъ явленіяхъ, измѣненія въ возрѣніяхъ чрезъ изученіе предмета, измѣненія въ характерахъ чрезъ воспитаніе; подобное можно видѣть въ общественныхъ явленіяхъ тѣсно связанныхъ съ психическими, на которыя они обратно дѣйствуютъ коллективною жизнью, болѣе сложною, и сами подвергаются измѣненіямъ, сообразно оказывающимся политическимъ и общественнымъ требованіямъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію первой части поставленнаго вопроса о непреложныхъ законахъ въ высшихъ сложныхъ явленіяхъ.

Касательно психическихъ явленій главное значеніе имѣетъ здѣсь точное опредѣленіе методовъ и имъ приличествующихъ сферъ дѣйствія, такъ какъ и въ положительной наукѣ допускаются гипотезы, эфиръ, атомы, съ предпосланнымъ сознаніемъ ихъ только относительной пригодности и недостовѣрности.

Относительно общественных явлений, займусь здѣсь экономическими, которыя уже подвергнуты научному анализу и представляютъ въ настоящую минуту наибольшій интересъ.

Пользуюсь статьею Л. И. Тихомирова „Нужны ли намъ фабрики“, помѣщенной въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за январь 1891 г. для изъясненія непреложности экономическихъ законовъ.

„Отрицательное и подозрительное отношеніе къ фабрикамъ — представительницѣ капитализма — издавно было очень распространено въ нашей литературѣ“ пишетъ авторъ; при этомъ онъ раздѣляетъ отрицательное отношеніе къ фабрикамъ на два противоположныя направленія. Одна часть противниковъ признаетъ пользу крупнаго производства, но съ условіемъ, чтобы оно было организовано на артельныхъ началахъ и защищаетъ кустарное производство, полагая, что на этой почвѣ можно развить артель; тогда какъ только при дальнѣйшемъ развитіи крупной промышленности возможно предположеніе объ учрежденіи артелей. Противоположное направленіе высказывается противъ крупнаго производства потому, что по его мнѣнію оно способствуетъ развитію въ массѣ демократическихъ и революціонныхъ тенденцій. Но собственно противники крупнаго производства борются за безнадежное дѣло. „Въ чемъ сила крупнаго производства? Въ томъ, что при помощи его одно и тоже количество людей развиваетъ большее количество *полезной* работы, употребляя сравненіе механики. Ихъ трудъ, говоря экономически, становится

производительныѣ. Нѣтъ на землѣ силы, которая могла бы измѣнить послѣдствія этого экономическаго факта. Допустимъ, что мы, изъ социальныхъ и нравственныхъ соображеній, добровольно откажемся отъ усвоенія себѣ новой силы, явившейся въ мѣрѣ, допустимъ, что мы предпочитаемъ имѣть трудъ менѣе производительный. Развѣ это рѣшеніе измѣнило бы рѣшимость другихъ странъ достигать наибольшей возможной экономической силы? Мы бы въ результатѣ оказались только *слабѣе* т. е. стало быть попали бы въ самые разнообразныя виды зависимости отъ сосѣдей, стали бы предметомъ ихъ эксплуатаціи экономической, стали бы отъ нихъ зависимы въ отношеніи финансовъ; большая степень богатствъ дала бы нашимъ сосѣдямъ большую легкость развитія культуры, науки и т. д. Мы скоро увидали бы себя на пути къ потерѣ даже и политической независимости“.

Я помню время, когда графъ Бобринскій, найдя достаточное количество лицъ, чтобы составить акціонерное общество, приступилъ къ устройству желѣзной дороги отъ Петербурга въ Царское Село, первую въ Россіи; тогда многіе протестовали, именно въ смыслѣ поддержки кустарнаго промысла, извоза, но именно послѣ постройки дороги количество извоза увеличилось отъ большаго числа проѣзжающихъ. Такъ что можно поставить вопросъ: не умножится ли чрезъ введеніе крупнаго производства и число кустарныхъ промысловъ, мелкихъ магазиновъ, лавокъ, деревенскихъ ткацкихъ станковъ и др. Какъ бы то ни было отсутствіе желѣз-

ныхъ дорогъ сказалось весьма ошутительно во время Крымской кампаніи, и такъ какъ не оказалось на лицо готовыхъ къ дѣлу людей, то пришлось адресоваться къ иностраннымъ компаніямъ и желѣзнодорожный персоналъ пополнять иностранцами. Можно сказать, что крупное производство есть роковая необходимость, *непреложный законъ въ развитіи экономическомъ*, и если усиливаться мѣшать дѣлу, то придется опять таки обратиться къ оному, но только съ большею растратою силъ и съ призваніемъ чужестранцевъ, капиталистовъ и людей. Полагають, что соха и цѣпъ побѣдятъ плугъ и катокъ для молотьбы, но и крестьяне покупають послѣдніе; если крестьянинъ ведетъ хозяйство на хуторѣ, а деревенскіе крестьяне многочисленны и бѣдны, то онъ пользуется дешевымъ предлагаемымъ трудомъ, если же крестьяне деревенскіе достаточно зажиточны, то хуторяне не затрудняются купить косильную машину. Въ литературѣ крестьянское хозяйство въ нѣсколько сотъ или по болѣе тысячи рублей, считается уже крупнымъ производствомъ и на него смотрять съ недоумѣніемъ, а иногда враждебно. Какъ можно допустить, чтобы Хорь былъ достаточенъ, а Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ? но вѣдь Хорь тотъ же въ сущности кустарь; но почему же скажутъ поборники коллективнаго труда, Хори не собираются въ одно и не дѣлають ассоціаціи? а потому, что у Хоря есть ассоціація въ своей семьѣ, и она достаточна для потребнаго труда, если нѣтъ, то достаточные крестьяне охотно берутъ приемышей. Всякому труду есть *предѣлъ* въ его обстановкѣ. Всякая лиш-

няя сила въ механикѣ дѣйствуетъ обратно, на столько же менѣе получается въ итогѣ. Этотъ предѣлъ хозяйства въ земледѣліи и есть причина, почему въ странахъ, гдѣ существуетъ фермерская система, признано хозяевами, что фермы, сданныя въ аренду крестьянамъ, выгоднѣе владѣльческихъ большихъ фермъ; вотъ почему тамъ всѣ земли подъ фермами. По той же причинѣ у насъ большія запашки были сокращены, а гдѣ нѣтъ, то повели къ большимъ убыткамъ. Въ земледѣліи крупное производство, въ смыслѣ фабричномъ, не существуетъ нигдѣ, ни у насъ, ни въ какой либо другой странѣ; въ Америкѣ одна компанія купила имѣніе сто миль въ длину и около двадцати въ ширину, и хотя ведетъ единолично хозяйство, но вся земля разбита на отдѣльные хутора.

„Устроить артели“ говоритъ авторъ, „организовать общественное производство!“ Легко сказать! Да вѣдь на всемъ свѣтѣ нѣтъ болѣе трудной задачи. Она исполнима лишь постольку, поскольку *самостоятельное* развитіе жизни подготовило для нея почву, проложило для нея пути. На почвѣ мелкаго, индивидуальнаго производства, сами по себѣ, какимъ нибудь естественнымъ срощеніемъ — артели не образуются...

„Фабрикантъ же, частный предприниматель, *дѣйствительно* ее организуетъ, онъ слагаетъ частныя силы рабочихъ въ одно крупное дѣло, организуетъ посредничество, дисциплинируетъ рабочихъ, обучаетъ ихъ, пристраиваетъ къ усовершенствованнымъ орудіямъ производства, и на все это средства находитъ въ самомъ же

начатомъ предпріятіи. Все это практично осуществимо быстро...

„И такъ безъ капитализма не обойдешься...

„Эта логика представляется страшною. Она приводитъ какъ будто къ непримиримому противорѣчію между требованіями экономическими и интересами социальными.

„Все это однако въ дѣйствительности не такъ страшно. Противорѣчіе существуетъ только до тѣхъ поръ, пока мы оставляемъ интересы экономическіе безъ надлежащаго согласованія“

Далѣе въ статьѣ выражено, что идея социализма сказалась ранѣе появленія крупнаго капиталистическаго производства: во время революціи въ коммунизмѣ Бабёфа, въ Англіи у Роберта Оцэна, когда капитализмъ былъ сравнительно слабъ. Но, углубляясь далѣе въ прошлое, не была ли сама республика Платона, безъ семьи и собственности, тѣмъ же социализмомъ, а въ древней Греціи, конечно не было слуха о крупномъ производствѣ. Идея эта обострилась смѣшеніемъ ея съ политическими элементами въ 1789 году. Бѣда въ томъ, что производство было выброшено на полную свободу. Не говоря уже о семьѣ, нравственныхъ и религіозныхъ понятіяхъ, которыя служатъ основой социальной организаціи, авторъ указываетъ на роль и дѣятельность государственной власти передъ лицомъ развивающагося капитализма.

„На фабрикѣ особенно необходима іерархія и дисциплина. Само по себѣ это не только не дурно, но прево-

сходно. На ієрархіи и дисциплинѣ только и можетъ существовать общество и ничто не устанавливаетъ между людьми такихъ неразрывныхъ нравственныхъ связей, какъ ієрархія и дисциплина. Но благодаря ложнымъ понятіямъ о свободѣ и взаимныхъ обязанностяхъ людей, въ западно-европейской фабрикѣ эта ієрархія и дисциплина лишены всякихъ нравственныхъ началъ...

„Частный предприниматель, свободная личная инициатива всегда останутся въ первыхъ рядахъ промышленности. Но въ заднихъ рядахъ, гдѣ нужна не столько инициатива, сколько толковое продолженіе уже установленнаго дѣла, можно себѣ дѣйствительно представить выгодное распространеніе артельныхъ формъ. Возможность этого распространенія даетъ именно фабрика“; сторонники артелей желаютъ организовать ихъ изъ не подготовленныхъ людей мелкаго производства. Гораздо большаго успѣха можно ожидать отъ превращенія въ артель уже установившейся фабрики, на предпріятіи налаженномъ, пущенномъ въ ходъ и среди рабочихъ, уже объединенныхъ бывшею диктатурою фабриканта, дисциплинированныхъ, привыкшихъ къ совмѣстному сложному труду. Если артели суждено стать когда нибудь серьезною формою національнаго производства, она разовьется, конечно, только такимъ образомъ, то есть слѣдуя послѣ частно предпринимательской фабрики“

Въ окончаніи статьи указывается на государственную дѣятельность для упорядоченія частной промышленности, что не представляется особенно труднымъ при

условіи, чтобы государство имѣло дѣло съ крупною промышленностію. Обстановка мириадъ мелкихъ производствъ можетъ быть ужасна, но упорядочить трудъ при такой мелкотѣ и многочисленности немислимо.

„Не объ одномъ экономическомъ развитіи намъ должно думать“ говоритъ авторъ, но необходимо думать и о немъ экономической отсталостию, какъ и вообще какимъ бы то ни было безсиліемъ, ни отъ чего дурнаго не спасешься“.

Изъ вышеприведеннаго можно заключить, что *экономическіе законы непреложны*, не въ смыслѣ, чтобы нельзя было измѣнять экономическія явленія, но въ томъ, что всякія измѣненія, препятствующія естественному переходу отъ мелкаго къ крупному производству и препятствующія развитію хозяйства, имѣютъ гибельныя послѣдствія для общаго благосостоянія; можно также заключить о существованіи въ наше время довольно распространеннаго враждебнаго отношенія къ инициативѣ личности. При этомъ направленіи высказываются два мнѣнія: одни отрицаютъ въ исторіи всякую дѣйствительную роль личности, поглощаемой всегда событиями; согласно этого взгляда талантливые и геніальные люди совершенно не нужны, такъ какъ они безсильны передъ обстоятельствами и всякая посредственность можетъ настолько же занять ихъ мѣсто; вторые отрицаютъ личность въ томъ смыслѣ, что она всегда можетъ быть съ успѣхомъ замѣнена коллективнымъ трудомъ, на примѣръ науку подвигаютъ будто не единичные ученые, а ученые общества, академіи наукъ въ которыхъ

присутствуютъ много ученыхъ людей; все это, какъ и въ первомъ случаѣ, мало имѣетъ сходства съ дѣйствительностію. Польза всякаго рода общества заключается въ критической оцѣнкѣ дѣятельности личности. При теперешнемъ социалистическомъ враждебномъ отношеніи къ личности, заступившемъ мѣсто прежняго анархическаго направленія, полного *laissez faire, laissez passer*, желательное указаніе на нормальное значеніе личности. Государственная власть, конечно, весьма полезна въ экономическихъ явленіяхъ, когда мнѣнія въ литературѣ и обществѣ, оставя научную почву, впадаютъ по переменно въ одну или другую крайность. Измѣненія въ производствѣ полезны, когда идутъ не противъ законовъ, а слѣдуютъ имъ для дальнѣйшаго развитія ихъ послѣдствій въ виду общественнаго блага. При желаемомъ соблюденіи нормальнаго соотношенія интересовъ личности и общественныхъ требуются, конечно, *знаніе и осмотрительность*.

И здѣльная промышленность заслуживаетъ всякаго вниманія, но послѣ обнаруженія положенія 19-го февраля все таки на первомъ планѣ стоитъ земледѣльческій вопросъ, вопросъ объ организаціи собственности и пользованія землею.

Два литературныхъ направленія высказываются въ пользу общиннаго владѣнія: одно состоитъ изъ защитниковъ коллективной формы труда, и потому они стоятъ за деревенскій строй и противъ устройства хуторскихъ отдѣльныхъ хозяйствъ, а также противъ частной собственности. Лица, держащіяся этого направленія,

полагають, что крестьянамъ, поселеннымъ въ деревнѣ при общинномъ владѣніи, легко перейти къ труду на началахъ ассоціаціи; тогда какъ можно доказать *приближительными цифрами, что земледѣльческое хозяйство не превъышаетъ рабочей силы семьи*, что семья это есть настоящая естественная ассоціація, и что, если когда хозяйство на началахъ артельныхъ сдѣляется возможнымъ, то это окажется на отдѣльномъ хуторскомъ участкѣ.

Здѣсь, какъ и въ издѣльной промышленности, коллективисты стараются всѣми силами воспрепятствовать тому, что одно представляетъ нѣкоторую возможность исполненію ихъ плановъ. Второе направленіе высказывается за общинное владѣніе главное потому, что оно поддерживаеетъ общинное пользованіе землею, равное надѣленіе всѣхъ землею, что даетъ нѣкоторую опору для благосостоянія каждаго изъ жителей и тѣмъ устраняетъ пролетаріатъ. Но если подъ словомъ пролетаріатъ обозначаютъ людей, неимѣющихъ достаточныхъ средствъ къ жизни, то, такъ какъ населеніе увеличивается, а земля остается та же, то вся деревня послѣдовательно переходитъ на положеніе пролетаріата.

Такое почти общее догматическое предпочтеніе въ пользу общины препятствуетъ самимъ сторонникамъ общины критическій анализъ современно поднятыхъ вопросовъ: переселенческаго, при коемъ, какъ видно изъ печати, даже на владѣльческихъ земляхъ крестьяне селились на началахъ круговой поруки; продажи земли при посредствѣ крестьянскаго банка, и отказѣ общинниками отъ купленной ими земли; задолженности сель-

скими обществами, частнымъ банкамъ, при этомъ можно привести примѣръ Порховскаго общества, едва не лишившагося всего своего надѣла. Конечно при надворномъ владѣннн это никоимъ образомъ не могло случиться: приговоръ общества заставляетъ многихъ входить въ не нужное или не желаемое ими предпріятіе; такъ въ одномъ удѣльномъ имѣнн Саратовской губернн многіе изъ крестьянъ выкупили свои надѣлы; когда въ селѣ оказались желающіе сдѣлать заемъ посредствомъ крестьянскаго банка, то одни только желающіе были внесены въ списокъ заемщиковъ, что и *справедливо*.

Не стану разсматривать вопроса о преимуществахъ для крестьянскихъ семей хуторскаго или деревенскаго общиннаго владѣнн; вопросъ этотъ праздный, онъ былъ предрѣшенъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ.

Практически надо принимать дѣло въ томъ положенн, въ которомъ оно находится; разности въ мнѣнняхъ тутъ, казалось, не можетъ быть.

Практически, можно поставить за правило, что желательно, чтобы земледѣлецъ, получающій исключительно средства пропитанія отъ земли, былъ надѣленъ оной въ количествѣ, доставляющемъ ему достаточныя средства къ жизни: это *минимумъ*.

Недостатки мелкаго владѣнн достаточно извѣстны; но при мелкомъ владѣнн могутъ быть означены предѣлы дробленія, какъ оно сдѣлано во многихъ краяхъ на западѣ Европы. У насъ въ Привислянскомъ краѣ, даже хуторскіе крестьянскіе участки считаются недѣлимыми, и въ случаѣ смерти владѣльца, если никто изъ родныхъ его не желаетъ

взять на себя участокъ съ удовлетвореніемъ другихъ наслѣдниковъ, то участокъ продается и деньги дѣлятся между наслѣдниками. Въ Бердянскомъ уѣздѣ у колонистовъ покупателями могутъ явиться одни родные. участокъ продается съ молотка, деньги дѣлятся поровну, и изъ нихъ причитающаяся доля на купившаго, остается въ пользу послѣдняго.

Если признано за правило, что желательно, чтобы земледѣлецъ былъ надѣленъ достаточнымъ количествомъ земли, то остается рассмотретьъ, при которой изъ двухъ системъ болѣе дробится земля: при подворной или общинной. Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, при общинныхъ долгихъ или короткихъ срокахъ предѣловъ, при надѣленіи всѣхъ землею и при ростѣ населенія дробленіе идетъ быстрѣе.

Мелкая личная собственность имѣетъ свои извѣстные недостатки, но повторяю вопросъ въ томъ, которая изъ двухъ системъ болѣе полезна, изучая предметъ приходишь къ убѣжденію, что при имѣющихся данныхъ, подворное владѣніе справедливѣе и благопріятнѣе общиннаго для крестьянъ.

Въ печати было сказано, и оно совершенно вѣрно, что многіе изъ крестьянъ не выкупаютъ надѣловъ, потому что въ народѣ ходятъ слухи, что выкупленные земли всетаки надѣлятъ поровну. *Необходимо, чтобы собственность была основана на неизблемомъ законѣ.*

Смута на Западѣ происходитъ не отъ существующей тамъ издавна собственности, а отъ относительныхъ понятій, принятыхъ многими за абсолютные догматы, шат-

кія понятія корень коихъ въ такъ называемыхъ принципахъ 1789 года. Такъ какъ причина шаткости въ общественныхъ явленіяхъ заключается въ апріорныхъ несостоятельныхъ понятіяхъ и идеяхъ, то необходимо бороться противъ нихъ во имя здравыхъ понятій людей, основанныхъ на научномъ знаніи, опирающемся на анализъ и изученіи достовѣрныхъ фактовъ. Необходимо для опроверженія обворожающихъ умы иллюзій, возможно большее распространеніе положительныхъ знаній, на почвѣ которыхъ можно единственно основать общее экономическое благосостояніе общества.

Желательно не уничтоженіе въ Положеніи 19-го февраля статьи 165-ой о выкупѣ, уничтоженіе требуемое нѣкоторыми литературными органами, а напротивъ облеченіе послѣдовательнаго перехода крестьянъ къ подворному владѣнію; семейный союзъ и частная собственность оказываются изъ изученія предмета основными началами въ земледѣліи, тогда какъ коллективное хозяйство въ ономъ есть только предположеніе, а общинное пользованіе полями, положительный вредъ.

